

ЭЛЕГИЯ И ПОСЛАНИЕ В ПОЭЗИИ А. ПОУПА: ОСОБЕННОСТИ РОКАЙЛЬНО-СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО СИНКРЕТИЗМА.

На протяжении XVIII столетия происходит очень важный для понимания судьбы поэзии перелом. Закономерно, что проблема поэтических жанров в Англии XVIII в. – одна из самых актуальных в современном литературоведении [См. об этом: 9; 10; 11; 12; 16], поскольку именно в этот период некоторые традиционные жанры уходили в прошлое, а другие выдвигались на первый план литературного процесса. Так, элегия и послание – жанры, имеющие долгую литературную историю, приобрели в этот период новую актуальность и эволюционировали, вобрав в себя новые художественные тенденции.

Особенно важным представляется соотношение жанра и направления. В литературе XVIII столетия оба компонента оказываются значимы для формирования индивидуальной поэтики Александра Поупа: в этот период, с одной стороны, сохраняется традиционное, по крайней мере со времен средневековья, жанровое художественное мышление писателей, с другой, начиная с Нового времени развиваются и крепнут полемика и взаимодействие различных литературных направлений, выстраивающих собственную систему жанров или существенно модифицирующих классическую жанровую парадигму. Представление о том, что А. Поуп – прежде всего классицист и прежде всего сатирик, довольно прочно укоренившееся в литературоведении и, безусловно, не лишенное основания (поскольку роль поэта в развитии классицистической сатиры в Англии эпохи Просвещения трудно переоценить), заслоняет в восприятии современных литературоведов те аспекты его поэзии, которые выходят за рамки классицизма. Тем более это касается манифестаций чувствительно-сентиментальной интонации в творчестве «первого правильного поэта». Несомненно, зрелый А. Поуп – это известный сатирик и моралист. Однако его ранний период творчества отражает экспериментальные поиски поэта, его стремление «примерить на себя»

Выбранные для анализа два произведения А. Поупа, вышедшие в сборнике 1717 года («Элегия на память одной несчастной леди», «Элоиза – Абеяру») менее всего изучены в литературной науке как СНГ, так и Запада. Ученых в любом случае больше привлекают здесь некоторые внешние, автобиографические подробности: существовала ли «несчастливая леди» на самом деле и кто она такая; были ли у А. Поупа некоторые автобиографические основания для обращения к истории любви Абеяра и Элоизы и т.п. [7; 14]. Интересно, однако, поставить вопрос о своеобразии поэтики этих стихотворений и о их месте в жанровой системе поуповского творчества в целом.

Оба рассматриваемые произведения прямо или косвенно несут в авторском заглавии жанровые определения, достаточно многозначные, несмотря на кажущуюся точность: слово «элегия» (elegy) названо

непосредственно, а заголовок «Элоиза – Абеяру» воспроизводит форму эпистолярного обращения, подразумевает послание, письмо. На жанровых параметрах и функции «элегии» и «эпистолы» в поэзии следует, как кажется, остановиться подробнее. Прежде всего, обе жанровые формы восходят еще к античности и были не чужды поэтам-классицистам еще в позднем Ренессансе и в XVII столетии. Однако следует напомнить, что античная элегия выделялась не интонационно-тематически, а метрически: она предполагала последовательное чередование дактилических гекзаметра и пентаметра (элегический дистих); что в средневековой лирике трубадуров можно найти своего рода элегическую тональность (в стихотворениях-жалобах влюбленного), но не жанр элегии; что лишь на исходе Ренессанса в XVI столетии у итальянских, французских и несколько позже - английских поэтов появился более жанрово определенный тип элегии (например, «Дафнаида» (1591) Спенсера) и термин стал использоваться в своем современном значении. В XVII в. элегия явно больше привлекала поэтов барокко, чем классицистов, хотя, с другой стороны, вбирала в себя определенные стилевые тенденции классицизма (что ярче всего видно в творчестве Мильтона) [См. подробнее: 9; 12; 16].

Исследуя структурные черты элегии XVIII века (отличающейся от древнегреческой элегии) литературоведы констатируют принадлежность ее к малым поэтическим формам; «колебание содержательного плана между «медитативностью» и «эмоциональностью», готовность к композиционной изменчивости, замыкание на круге тем, связанных со смертью, любовью или какими-либо трагическими сторонами жизни, доминирование мотивов печали и грусти, вызванных претерпеванием жизненных реалий, бесконечной внутренней неудовлетворенностью человеческого естества» [16. С.7].

«Элегию» А. Поупа можно отнести к числу так называемых «траурных элегий», т.е. элегий, написанных на смерть какого-либо лица. Поэт изображает в стихотворении, как молодая женщина, которой ее дядя запретил встречаться с ее возлюбленным, подверг изоляции в чужой стране, наложила на себя руки. Поводом к самоубийству послужила не только разлука с возлюбленным, но и жестокое обращение с «несчастной леди» ее «тюремщиков». При том что почти каждый читатель-современник был уверен, что А. Поуп изобразил конкретное лицо [13], никто не мог с уверенностью назвать имя прототипа: в реальности описанной истории убеждала, прежде всего, искренность поэтической интонации, а не узнаваемость обстоятельств. А. Поуп оставил в своих посмертных заметках лишь глухой намек на подлинность истории, которую можно счесть и мистификацией. Многие авторитетные знатоки творчества А. Поупа приходили к выводу, что прототипом «несчастной леди» была леди Мэри Уортли Монтегю [14. Р. 401-412], некоторые предлагали считать таковым миссис Коуп или обеих сразу [7; 13]. Все исследователи отмечают размытость, смутность, нечеткость описанных обстоятельств и самого характера лирической героини. Здесь и начинаются разногласия в интерпретации стихотворения: одни литературоведы усматривают в

названной нечеткости свидетельство риторической абстрактности описываемых чувств, другие, напротив, полагают, что А. Поуп искренне описал то, что лично переживал. По-видимому, только тщательный и последовательный анализ текста элегии в сопоставлении с историко-литературным контекстом может дать достаточно точный ответ на вопрос о соотношении риторического и лирического в тексте элегии. Поскольку «Элегия» не переводилась на русский язык, а переводы «Послания» (В.А. Жуковского, Д. Веденяпина) при всех достоинствах не кажутся точными, тексты этих произведений цитируются в статье по-английски.

Безусловно, А. Поуп-классицист, или, по крайней мере, поэт, придерживающийся норм, правил, ориентирующийся на античные образцы, и в данном случае не отрекается от им же самим отстаиваемых принципов творчества: и «Элегия на смерть одной несчастной леди», и «Опыт о критике» помещены поэтом в один сборник 1717 г. А. Поуп-элегик берет за образец овидианскую модель жанра, более того, по мнению И. Гордона, он перенимает и саму римскую этическую модель самоубийства как проявления героизма [7]. В произведении действительно можно обнаружить переклички с древнеримской классикой не только со стороны формы, но и по содержанию: несчастная леди изображена своего рода воином в героическом сражении за любовь, она «смело умирает» за нее. Написанная «героическими куплетами» элегия А. Поупа изображает ситуацию в терминах войны, битвы (отверстая, кровоточащая грудь, меч, нанесший рану и т.п.); в стихотворение входит тема плена, заключения, одиночества среди чужого (вражеского) окружения:

By foreign hands thy dying eyes were closed,
By foreign hands thy decent limbs composed,
By foreign hands thy humble grave adorn'd,
By strangers honour'd, and by strangers mourn'd!

Но в то же время можно обнаружить в элегии следы барочной «готики»: эмоционально воссозданная картина страданий, указание на жестокое обращение «стражи», мрачная атмосфера и сама загадочность происходящего - все эти черты поэтики барокко органично сливаются с отзвуками классицистической традиции, создавая своего рода меланхолическую игру настроений:

Yet shall thy grave with rising flow'rs be drest,
And the green turf lie lightly on thy breast:
There shall the morn her earleast tears bestow,
There the first roses of the year shall blow..

Наложение друг на друга классицистических и барочных черт поэтики, их взаимное приглушение становятся основой определенного синкретического сосуществования искусной, элегантной поэтической игры и эмоциональной искренности, иными словами – рококо и сентиментализма.

Эти же закономерности обнаруживаются и во втором рассматриваемом сочинении А. Поупа – послании «Элоиза – Абеляру». Можно отметить, что, хотя послание, в отличие от элегии в ее законченном варианте, легко входило

и в систему жанров классицистической, и барочной поэзии, однако в послании эпохи Просвещения, как и в элегии, идет процесс «интимизации поэтического слова» [15. С.13]. В то же время значительные изменения в жанре элегии относятся, как известно, ко второй половине XVIII столетия, к эпохе расцвета сентиментализма. Элегические опыты первой половины века оценены и изучены гораздо меньше. Между тем и они, в частности, послания А. Поупа, вносят свой вклад в развитие отмеченной интимизации.

Создавая послание «Элоиза – Абеляру», А. Поуп не был знаком с латинским подлинником средневековой любовной истории. Но в 1713 г. друг А. Поупа Д. Хьюз издал в Англии перевод «Истории моих бедствий» П. Абеляра и писем Элоизы к своему возлюбленному, сделав этот перевод по французскому тексту. Книга привлекла внимание А. Поупа, опубликовавшего свое произведение в сборнике 1717 г.

Нельзя, разумеется, сбрасывать со счетов того, что традиция женских поэтических посланий возлюбленным началась, по крайней мере, с Овидия. И английскому поэту начала XVIII в. «Героиды» Овидия были, безусловно, хорошо известны. Однако персонажем послания у А. Поупа становится не мифологическая фигура богини или нимфы, а средневековая монахиня, от имени которой ведется поэтический монолог. История любви средневекового теолога и его ученицы, их трагическая разлука несли в себе такой заряд эмоциональности, который мог скорее привлечь поэта барокко, чем классициста. Но А. Поуп не только пишет от имени женщины, но и обращается прежде всего к женской аудитории: как верно заметил Бейнс, «Читатели-женщины чувствовали, что А. Поуп обращается именно к ним больше, чем какой-либо другой поэт-мужчина» [3. Р. 67]. Феминизация и объекта и адресата литературного текста, как полагают литературоведы, является одной из черт развития культуры рококо. Это, в частности, определяет форму и степень эмоциональности – скорее меланхолически-мягкой, интимно-нежной, чем безудержно-страстной. Однако в глазах романтика Байрона, как известно, заявлявшего о своей любви к А. Поупу и неприятию поэзии лейкистов, данное послание было своего рода каноном изображения страстного чувства: «Если вы ищете сильную страсть, то где ее можно найти, кроме как в письме от «Элоизы к Абеляру»?» [Цит. по: 5. Р. 23]. К тому же можно увидеть сходство некоторых «барочно-готических» мотивов послания и элегии: мрачная атмосфера, одинокое заключение (в монастырской келье), размышления о смерти и жестокости удела и т.п.:

Relentless walls! whose darksome round contains
Repentant sighs, and voluntary pains:
Ye rugged rocks! which holy knees have worn;
Ye grotts and caverns shagg'd with horrid thorn!
Shrines! where their vigils pale-ey'd virgins keep,
And pitying saints, whose statues learn to weep!

В то время как в основе поуповского послания «Элоиза – Абеляру» лежит своего рода классицистический конфликт долга и чувства, стилистически этот конфликт выражается в эмфатически-взволнованных

репликах-восклицаниях, но весьма изящно выраженных, умело построенных. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся со своеобразным наложением друг на друга классицистической и барочной стилистики, что является основой рокайльно-сентиментального синкретизма:

In these deep solitudes and awful cells,
Where heav'nly-pensive contemplation dwells,
And ever-musing melancholy reigns;
What means this tumult in a vestal's veins?
Why rove my thoughts beyond this last retreat?
Why feels my heart its long-forgotten heat?
Yet, yet I love! — From Abelard it came,
And Eloisa yet must kiss the name.

«Элегия» и «Послание», рассмотренные в их жанрово-стилистических особенностях, способны изменить привычное представление о творчестве А. Поупа — «рационального, правильного» поэта-неоклассициста. По мнению Дж. Фрезера, оба произведения — «это стихотворения чувствительного человека, даже страстного» [6.Р.30]. Действительно, степень эмоциональности обоих произведений, стилистически выраженной в их лексике и синтаксисе, в самом поэтическом ритме, более высока, чем, например, в «Опыте о критике». Однако дело, по-видимому, не в психологических особенностях личности А. Поупа. Ведь помимо того, что все произведения из сборника 1717 г. были написаны примерно в одно и то же время, иногда создавались параллельно (рассматриваемые элегия и послание были также написаны в 1712-1713 гг.), они отмечены общим пафосом поиска писателем собственной поэтики, соединения искренности поэтического чувства с элегантностью, эстетической саморефлексией и проверкой собственного мастерства.

Современные филологи признаются в том, что А. Поуп — один из самых плохо понятых английских поэтов: ему доступны не только остроумие или сатирические интонации, он может быть также чувствительным и меланхоличным, он — сложнее, чем сложившееся представление о нем [См. 3; 4; 5]. Но одновременное экспериментирование с разными жанровыми моделями, тесное переплетение различных стилистических тенденций в творчестве одного поэта весьма характерно не только для А. Поупа, но в значительной мере для всей английской поэзии августинцев, более того — составляет эстетическое своеобразие литературного процесса Англии XVIII в. в целом.

Литература:

1. Pope A. A selected poetry and prose. N.Y., 1958.
2. Поуп А. Поэмы. М., 1988.

3. Baines P. The Complete Critical Guide to Alexander Pope. L.; New York: Routledge, 2000.
4. Douglas Atkins G. Quests of Difference: Reading Pope's Poems. Lexington: Kentucky State Univ. press, 1986
5. Fergusson R. The Unbalanced Mind: Pope and the Rule of Passion. Brighton: Harvester, 1986.
6. Frazer G.S. Alexander Pope. L.; Boston, 1978.
7. Gordon I.R.F. Elegy to the memory of an Unfortunate Lady // The Literary Encyclopedia. 24 Jan 2002. URL: <http://www.litencyc.com/php/sworks.php?rec=true&UID=5420>
8. Manning S. Eloisa's Abandonment // Cambridge Quarterly. 1993. N 22. P. 231-40.
9. Mell D.Ch. A poetics of Augustan elegy: studies of poems by Dryden, Pope, Prior, Swift, gray, and Johnson. Amsterdam: Rodopi, 1974.
10. Parker B. The Triumph of Augustan Poetics. English Literary Culture from Butler to Johnson. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1998.
11. Reynolds M. The treatment of nature in English Poetry between Pope and Wordsworth. New york, 1966.
12. Sacks P.M. The English Elegy. Studies on the Genre from Spenser to Yeats. Baltimore: The John Hopkins Univ.press, 1987.
13. Stephen L. English Men of Letters. Alexander Pope. URL: http://www.adners.thubin.name/PDF/Stephen_Alexander_Pope.pdf
14. Tillotson G. Mary Wortley Montague and Pope's "Elegy to the Memory of an unfortunate lady" // The review of English Studies. 1936. Vol. 12. N 48. P. 401-412.
15. Сорокина Я.А. Элегия в системе лирических жанров XVIII века (опыт компаративного анализа). Автореф. дис....канд.филол.н. М., 1998.
16. Шайтанов И.О. Поэзия XVIII в. в культурном контексте раннего Просвещения // Известия АН СССР. СЛЯ. 1988. Т.47. №1.

Анотація

У статті аналізуються ранні віршовані твори А. Поупа, що майже ніколи не потрапляють в орбіту уваги літературознавців, – "Елегія на пам'ять нещасній леді" і "Елоїза – Абелярові". Звернення "правильного поета" до жанрів елегії й послання, що є популярним в XVIII сторіччі насамперед у сентименталізмі, демонструє експериментальні "проби пера" А. Поупа, відчиняючи читачеві більшу складність і різноманітність його творчості. Крім того, накладання одна на одну рис класицизму й барокко в поезиці розглянутих творів стає фундаментом рокайльно - сентиментального синкретизму, який у великому ступені властивий всій англійській поезії епохи Просвітництва.